

Таким образом, предлагается вернуться, во-первых, к непосредственно наблюдаемым объектам — речевому функционированию знака языка и языковым изменениям при снятии противопоставления диахронии и синхронии и обратиться, во-вторых, к обнаружению «подлинных универсалий», которые не обнаружены в поверхностных структурах⁵. Авторы семиологического принципа не только не отказываются от предшествующих концепций, но, напротив, подчеркивают его «последовательную традиционность», понимаемую как возможно более приемлемый учет достижений «доструктурного», «структурного» и «генеративного» принципов: добротной конкретности описания конкретных языков, но на основе вскрытых системных отношений; понимания знака языка как отношений «означаемого» и «означающего», но с кардинальным ограничением формальных процедур, которые привели к утрате реальных и специфических (от языка к языку) параметров «смысла» и «текста»; понимания характера связи языковой субстанции и «идеальных» конструкторов («содержание», «значение»), но отказ от принципа «черного ящика», в который заключалась «языковая компетенция» и «механизм глубинных структур». Семиологический принцип исходит из того, что исследование поверхностной структуры может дать «следы» прежних состояний языка, особенно при сопоставлении различных диахронических срезов и при исследовании процесса порождения высказывания⁶. Изложенное позволяет определить круг вопросов, подлежащих рассмотрению в нашем обзоре.

Код содержания и коды выражения

Тезис «неразрывности мышления и языка», бесспорный в самом общем виде (то, что обозначено с помощью знака языка, понимаемого его носителем, имеет свой денотат — либо в реальной действительности, либо в виде «субъективной реальности», например, фантастического представления), не раскрывает конкретности характера связи. Утверждения, что «слова связаны у человека решительно со всеми — внешними и внутренними раздражениями, которые воспринимаются корой больших полушарий, в ее и их заменяют и сигнализируют»⁷ или что «человек. . . всегда мыслит посредством языка»⁸ нельзя считать обоснованными: их авторы сами, исследуя конкретные мыслительные акты, приходят к другим положениям в тех же самых работах. Так, Н. И. Чуприкова пишет, что «накопилось достаточно много фактов, показывающих значительную, а иногда и решающую роль словесных раздражителей»⁹ и что «кончателный эффект взаимодействия сигнальных систем. . . должен зависеть от генотипического и фенотипического соотношения сигнальных систем»¹⁰. И А. А. Люблинская признает, что «некоторые связи, например, пространственные и временные, человек может воспринимать и непосредственно», хотя «отражение связей, существующих между предметами и явлениями, совершается обычно в языковых формах»¹¹.

Указанные противоречия не случайны, за ними вполне определенные факты, свидетельствующие о том, что: 1. Никакой язык не обладает столь мощным средством номинации, которое позволило бы ему обозначить «решительно все» раздражители. Тютчевское «мысль изреченная

⁵ Открытые до сих пор универсалии либо универсальны лишь для ограниченного числа языков, либо восходят к экстралингвистическим категориям, либо малоинформативны, описывая вполне известное. — См. «Новое в лингвистике». М., 1970, вып. V.

⁶ Степанов Ю. С., Эдельман Д. И. Указ. соч., с. 203—208, 213, 214.

⁷ Чуприкова Н. И. Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека. М., «Просвещение», 1967, с. 3.

⁸ Люблинская А. А. Детская психология. М., 1971, с. 235.

⁹ Чуприкова Н. И. Указ. соч., с. 27.

¹⁰ Там же, с. 44.

¹¹ Люблинская А. А. Указ. соч., с. 236.